

Аркадий Подкопаев

Автор литературного перевода

Рассказ

Из командировки в Йемен отец привез холодильник Grundig, двухкассетник Sharp и видеодвойку Sanyo. К последней прилагалась единственная кассета с этикеткой «Outrageous fortune». Маме в подарок достался гранатовый браслет, нам с двойняшками — фирменный пакет Marlboro, наполненный доверху жвачкой Turbo. Себе на оставшиеся «боевые» отец купил модный кожаный плащ. Довольствующаяся малым бабушка попросила не выбрасывать оставшуюся от техники полиэтиленовую упаковку с пупырышками воздушных пузырьков.

Вечером мы собрались у телевизора на первый в нашей жизни видеосеанс. В воздухе витало предновогоднее ожидание чуда. Двойняшки мычали от предвкушения — их рты были набиты таким количеством жвачки, что она превратилась в кляп. В наступившей тишине вдруг раздался хруст кости. Это сестра, пережевывая ароматную пластинку, разгрызла выпавший молочный зуб.

— Детям точно можно? — спросила мама, подозрительно поднося кассету к свету люстры.

— Да нет там ничего такого, — отмахнулся отец и вставил кассету в видеомангитофон. Но при этом он держал наготове пульт от телевизора, как ковбой при встрече со злодеем держит руку на рукоятке кольца.

Через мгновение в нашей «двушке» распахнулся портал в иной мир. Красивые актеры разыгрывали сцены в невиданных интерьерах, устраивали погони и перестрелки на фоне небоскребов и экзотических пейзажей. Экран телевизора радовал глаз ярчайшими красками. Динамики улаждали слух чистейшими звуками. Казалось, даже воздух вокруг нас стал другим и был напоен ароматами и запахами дальних стран. Возможно, они проникали в квартиру из полиэтиленовых пузырьков, мерно раздавливаемых бабушкиными пальцами.

Диалоги актеров завораживали как пение райских птиц и были столь же непонятны.

— А что они говорят? — полчаса спустя, оправившись от эстетического шока, я повернулся к родителям.

Подкопаев Аркадий Вадимович родился в 1974 году, окончил Московский государственный лингвистический университет по специальности «переводчик с португальского и английского языков». Учился в мастерской кинодраматургии на Высших курсах сценаристов и режиссеров, в Нью-Йоркской киноакадемии. Работал корреспондентом на радио «Голос России», переводчиком и оператором на нефтяных платформах в Каспийском море. Управлял компанией в сфере морского транспорта и логистики. Печатался в журнале «Искусство кино». Предыдущая публикация в «Дружбе народов» — 2018, № 7.

Они переглянулись и покраснели.

— У нас на мехмате был технический английский, — поспешно сказала мама.

— А меня учили допрашивать пленных, — сурово заметил папа. — Вот если бы это был фильм про войну...

Он встал с дивана и достал с полки пыльный словарь.

— Ты же английский учишь, — сказал мне папа. — Вот и переводи.

Подзуживаемый двойняшками, всю следующую неделю я выписывал на слух реплики актеров. Вскоре листы тетради были испещрены загадочными, как заклинания, словами вроде «камонгайз»¹, «фоллоузэткар»² и «юлуклайкшит»³. Я растерянно листал словарь, но подобрать ключ к этому шифру было невозможно.

Вопреки обыкновению первая неудача не расхолодила меня. Вечный троечник, я набросился на английский с рвением готовящегося к эмиграции. Я зубрил слова, пока не начинал выкрикивать их во сне в алфавитном порядке. Бесконечно спрягал неправильные глаголы. Не без внутреннего содрогания записал поверх группы «Кино» лингафонный курс. И потом аудировал устные тексты до звона в ушах.

Забросив обычные дворовые развлечения, после уроков я мчался домой. Наскоро проглотив обед, садился коленапреклоненным перед телевизором. И разбирал непонятные места, бесконечно мотая пленку взад-вперед до тех пор, пока меня не посещало озарение. Как ребенок, только учащийся говорить, я неуклюже складывал свои первые слова перевода в фразы, а фразы в диалоги. Немудреные шутки казались смешнее, а проходные реплики обретали глубокий смысл благодаря неимоверным усилиям, затраченным на их понимание. Неведомые доселе ругательства вызывали у меня особо острую радость познания. От частой перемотки пленка начала осыпаться. Покрывшееся мелкой рябью изображение стало походить на древние фрески.

Чудо происходило исподволь.

Так в ванночке с проявителем на белой бумаге проступают контуры фотографии. Так археолог, сметая песчинку за песчинкой, извлекает из земли драгоценную амфору. Так кажущиеся беспорядочными мазки кисти художника складываются в цельное полотно.

Полгода спустя переведенные диалоги «Неприличного везения» уместились в две общих тетради за сорок четыре копейки каждая.

Желая похвастаться моим успехом, родители созвали на просмотр папиных сослуживцев. Спрятавшись за телевизором, мы с двойняшками по ролям озвучивали фильм. Для защиты от электромагнитного излучения мама выставила вокруг нас кольцо кактусов. В пылу постановки мы то и дело кололись об иголки и громко вскрикивали. Гости живо реагировали на происходящее на экране. Где нужно — смеялись, где нужно — охали от страха. Подвыпившие родители сидели красные от удовольствия.

Когда пошли титры, мы с двойняшками выбрались из-за телевизора и, смущаясь, раскланялись под преувеличенно-восторженные аплодисменты, какими взрослые обычно награждают детей.

В жизни я был неважным рассказчиком. За письменные изложения мне всегда натягивали тройки. Потчuya одноклассников анекдотами, из уважения к героям Гражданской войны я заменял имена Чапаева и Петьки политкорректными псевдонимами. Да еще и добавлял от себя кучу лишних подробностей. Не дождаввшись конца анекдота, ребята расходились, оставляя меня одного задыхающимся от смеха. Когда в палате пионерского лагеря наступала моя очередь рассказывать страшилки, все немедленно засыпали.

¹ Транслитерация фразы «come on, guys» — «вперед, парни».

² Транслитерация фразы «follow that car» — «езжай за той машиной».

³ Транслитерация фразы «you look like shit» — «хреново выглядишь».

И только перевод с английского на русский позволил сделать мне чужую историю своею собственной. И добраться без запинок до ее конца. В тот момент я чувствовал себя полноправным соавтором фильма, получающим заслуженное признание зрителей.

— Молодец, — похвалил меня майор Гусев. — Не хуже чем у Павловского.

— Кого?

— Ты что? — воскликнул он. — Это же самый лучший переводчик!

Несколько дней спустя Гусев передал через папу кассету с «Хищником». Изображение было настолько ужасным, что в зеленой ряби было невозможно разглядеть полупрозрачное чудовище. И все же я не мог оторвать глаз от экрана, который то и дело забрызгивало изнутри кровью героев. Больше всего меня поразили не спецэффекты. И уж, конечно, не режиссура. И даже не подвиги Шварцнеггера. Как введенный в транс пациент Кашпировского, я смотрел перед собой широко открытыми, но невидящими глазами. И не слышал ничего, кроме магнетически-гнусавого голоса за кадром. Голос переводчика возвышался, бесцеремонно заглушая актеров, словно именно он и никто другой был там главным действующим лицом. Так уверенный в себе разбитной рассказчик солирует за праздничным столом, превращая речи других участников застолья в неразборчивый гомон.

Этот голос принадлежал Павловскому.

Когда инопланетный хищник был наконец разорван в клочья, судьба моя была решена.

— Хочу быть переводчиком фильмов, — заявил я родителям за ужином. И внутренне сжался от предчувствия скандала. Ведь я принадлежал к роду потомственных военных, и с детского сада меня готовили в Суворовское училище.

— Твой Павловский — антисоветчик! — бушевал покрасневший от гнева отец, и бабушка с двойняшками испуганно прятались в детской. — Он насмеялся над нашими воинами в третьем «Рэмбо»!

— Он распространяет порнографию, — возбужденно восклицала мама. — В «Девяти с половиной неделях» такое творится, что смотреть страшно.

— А ты откуда знаешь? — поворачивался к ней отец.

— Девочки на работе рассказывали, — тушевалась, краснея, мама.

Исчерпав собственные доводы, на протяжении следующего месяца родные апеллировали к произведениям кино и литературы.

— Вот, послушай, — заходил ко мне отец с томиком «Монте-Кристо» и читал с выражением:

— «...это избавляло его от переводчиков, людей всегда докучных, а подчас и нескромных».

— Ничто так не украшает человека, как скромность, — с назиданием хлопывал книгу отец.

— У переводчиков несчастливая семейная жизнь, — в слезах говорила мама, когда по телевизору заканчивался показ «Осеннего марафона».

— Все переводчики пьяницы, — тревожилась бабушка, когда герой Крамарова в «Иване Васильевиче» заявлял: «Был у нас толмач-немчин. Ему переводить, а он лыка не вяжет».

Близкие к отчаянию родители попросили повлиять на меня классную руководительницу, преподававшую историю, и на следующем уроке та зачитывала избранные места из указа Петра Первого об Азовском походе: «Толмачи и прочая обозная сволочь должны идти в самом конце, дабы видом своим унылым грусть на войска не наводят».

— Хочешь быть сволочью, Талалаев? — спрашивала она, поднимая глаза от книги.

Одноклассники дружно ржали и показывали на меня пальцами.

Родители запретили мне пользоваться видеоманитофоном. По телевизору

дозволяли смотреть только «Время» и «Международную панораму». Я переводил вслух синхронно с Рейганом и Маргарет Тэтчер, замечая, насколько кучным и цензурированным был официальный перевод. При этом я преувеличенно гнусавил, подражая Павловскому. Бабушка переживала, что я подхватил насморк.

— Все потому, что подштанники не пододеваешь, — укоряла она.

Лишенный возможности смотреть видео, я часами сидел в темной комнате, уставившись перед собой в одну точку. Как маленький Лужин, разыгрывающий в голове шахматные партии, я прогонял перед внутренним взором все виденные мною фильмы и шлифовал их перевод. В то время мне снились не обычные для моего возраста эротические сны со старшеклассницами и молодыми училками, а избранные сцены из «Греческий смоковницы» и «Дикой орхидеи». Я делал красавицам-героиням непристойные предложения на английском и тут же сам себя переводил, вслушиваясь во мне в правильность построения фразы и при необходимости ее редактируя.

От непривычного умственного напряжения я потерял аппетит, осунулся и сильно похудел. И тогда, переживая за мое здоровье, родители пошли на попятную. Папа отнес в комиссионку двухкассетник, и мне наняли репетитора.

Два года спустя на выпускном экзамене по английскому я единственным в классе получил пятерку. Но когда родители спросили у репетитора, какие у меня шансы, она расхохоталась.

— Чтобы поступить в иняз, нужен блат, — заявила она. — Или выдающиеся способности.

— И что? — крикнул я с вызовом. И задохнулся от вдруг нахлынувших слез.

— Мы в тебя верим, — одновременно сказали отец и мать. Это был первый и последний раз в жизни, когда они говорили в унисон.

На следующий день родители сдали в комиссионку кожаный плащ и гранатовый браслет. Папа облачился в парадный мундир и с вырученными деньгами отправился в институт. Позвякивая медалями, он растерянно бродил по лабиринту коридоров. Ему еще не приходилось никого подкупать, и папа всматривался в лица почтенных профессоров, надеясь, что потенциальный взяточник выдаст себя бегающим взглядом. Профессора хмурились и проходили мимо.

— Кого ищите, полковник? — кутаясь в шаль, спросила его высокая худая женщина. — У всех наших студентов есть отсрочка.

— Мне бы кафедру английского, — застеснялся папа. — Сынишка поступать собирается.

Женщина внимательно взгляделась в покрытое испариной лицо. Перевела глаза на мнущуюся в кармане руку. Рентгеновским взглядом пересчитала купюры.

— Берите латынь, — отчеканила она. — Переводчиков с английского как собак нерезанных.

— А где на ней разговаривают? — поинтересовался отец.

— Какое невежество! — воскликнула женщина. — От латыни произошли все языки романской группы. Вы приобретете десять языков в одном. Понимаете?

И посмотрев по сторонам, она увлекла сбитого с толку отца за обитую дерматином дверь с латунной табличкой «Кафедра латинского языка».

Полчаса спустя отец весело шагал к выходу. То и дело путь ему преграждали седовласые профессора. Как восточные торговцы, они расхваливали свои языки, тянули отца за рукав, зазывали на кафедры пить чай.

— Жребий брошен, — цитировал папа Цезаря и разводил руками.

Дома, ликуя, отец рассказал маме о выгодной инвестиции. Как водится, он все сделал не так.

— Бестолочь! Придурок! — бушевала мама. — Это же мертвый язык! Переводчики с латыни понадобятся не раньше второго пришествия.

Пока мама причитала, вспоминая папины вложения в МММ и «Властилину», я молча глотал слезы. Моя мечта рушилась у меня на глазах. Ведь я не видел ни одного фильма на латыни.

Тут еще выяснилось, что вырученных денег хватило только на задаток и нужно еще доплатить значительную сумму. Разразился локальный семейный конфликт. Мама провела ковровое метание тарелок, папа ухнул дверью, словно гаубицей, и отошел курить на заранее подготовленные позиции у мусоропровода.

На следующий день, морщась от маминых причитаний и от дыма зажатой в зубах сигареты, папа оттащил в комиссионку холодильник Grundig. Лето выдалось холодным, и еду пока можно было хранить на балконе. Тем более что денег в семье хронически не хватало, продуктов было немного, и долго они не залеживались. Голуби и двойняшки немедленно принялись таскать с балкона халву.

За неделю до экзаменов анонимный голос диктовал мне по телефону инструкции.

— В сочинении после заглавия нужно поставить точку.

— На истории, какой бы билет ни вытащил, говори, что номер шестнадцать.

— В мужском туалете, в третьей справа кабинке, за сливным бачком будет фиолетовая шариковая ручка. Ею надо написать задание на английском.

Я воображал себя разведчиком, принимающим шифрограмму из Центра. Все указания я выполнил в точности. И конечно же, увидел себя в списке поступивших. Группа латинского языка состояла из меня одного.

Вскоре выяснилось, что я был не единственным, кто тяготился выпавшим жребием. Роптали и другие студенты, не довольные результатами распределения. Все без исключения хотели изучать языки развитых капстран. В музее воинской славы, куда первокурсников собрали на торжественную линейку, назревал бунт.

— В Португалии, как и у нас, одни нищелюды, — хмурился мажор в костюм-тройке. — Много не заработаешь.

— И в Анголе война закончилась, — печалился дембель с лычками сержанта. — Мой земля там за год на «Москвич» накопил. Правда, потом ему ноги оторвало.

Рядом с ними мрачно помалкивал длинноволосый блондин, похожий на Ломоносова той поры, когда он пришел на учебу в Москву. Сходство усиливали растоптанные ботинки.

В дверь заглянул декан. Студенты бросились к нему жаловаться, толкаясь и сбивая друг друга с ног. В образовавшейся толчее мажор и дембель даже обменялись неуклюжими ударами.

— They cannot fight in here¹, — воскликнул я, указывая на стенды с картами боев и военными трофеями.

— This is the war goom², — немедленно откликнулся молодой Ломоносов.

Мы переглянулись с симпатией.

— Если язык не нравится, можете поменяться, — выкрикнул декан, вырываясь из цепких рук.

Тут же организовалась лингвистическая биржа. Отчаянно торгуясь, студенты меняли арабский на французский. Китайский на африкаанс. Суахили на индонезийский. Шум и гвалт стояли, как на птичьем базаре. Самые находчивые умудрялись поменяться три-четыре раза прежде, чем получали вожаденное наречие.

Один я стоял в сторонке, как прокаженный. И когда я робко предлагал свой товар, мне смеялись в лицо даже обладатели румынского.

— What have you got?³ — подошел ко мне, улыбаясь, Ломоносов.

— Латынь, — прошептал я, словно признаваясь в венерическом заболевании.

— Nobody is perfect⁴, — заявил блондин. — I will make you an offer you cannot refuse⁵. В португальской группе есть место.

¹ «Здесь нельзя драться» — искаженная цитата из фильма «Доктор Стрейнджлав, или как я научился не волноваться и полюбить атомную бомбу».

² «Здесь заседает военный совет» — продолжение вышеприведенной цитаты.

³ Какой у тебя язык? (англ.)

⁴ «У каждого свои недостатки» — цитата из фильма «В джазе только девушки».

⁵ «Я сделаю тебе предложение, от которого ты не сможешь отказаться» — цитата из фильма «Крестный отец».

Как выяснилось, мечтающий о войне дембель прозорливо перевелся в арабисты.
 — Help me, Obi Wan Kenobi, — вскричал я, ликуя. — You are my only hope¹.
 — Бондарь. Дима Бондарь, — протянул блондин руку.
 — This is the beginning of a beautiful friendship², — ответил я крепким рукопожатием.
 — Let's get outta here³, — предложил Дима.
 И плечом к плечу мы зашагали в ближайшую пивнушку.
 С той поры, объединенные страстью к кино, мы были неразлучны.

* * *

Как и предвещал мажор, работы с португальским и вправду почти не было. Лишь однажды на нашу кафедру зашли следователи угрозыска. Им был нужен переводчик для допроса студента из Кабо-Верде, попавшегося на наркотиках. Добровольца обещали наградить почетной грамотой МВД. Получив от всех отказ, милиционеры предложили расплатиться конфискованной травой.

С первого курса мои одноклассники подрабатывали в основном со вторым языком — английским. Предлагали переводить разное. Проповеди адвентистов седьмого дня. Тренинги для распространителей гербалайфа. Переписку американских женихов с русскими невестами. Мастер-классы для колхозников по искусственному осеменению крупного рогатого скота.

За час последовательного перевода можно было заработать больше месячной стипендии. Родители с нетерпением ждали, когда их инвестиция начнет приносить доходы. Наша семья едва сводила концы с концами. Мама торговала на вещевом рынке. Отец таксовал на старенькой «Таврии». Двойняшки собирали по помойкам бутылки. Правда, это была их собственная инициатива. И вырученных ими денег никто в семье не видел.

Мы же с Димой, к негодованию наших родных, отказывались от самых выгодных предложений. Желая переводить только фильмы, мы не готовы были разменивать свой талант. Временные компромиссы, как известно, быстро превращаются в пожизненные обязательства.

Всю свою стипендию мы спускали на видеокассеты с фильмами в оригинале. После лекций шли ко мне домой. И часами переводили на слух, добиваясь точности формулировок. А потом, отдыхая, скрупулезно разбирали лучшие работы Павловского, пытаясь постичь секреты мастера.

— Нет, ты слышал? Ты слышал, а? — подсказывал я на месте. — Гениальная компрессия!⁴

— Какая генерализация!⁵ — вскрикивал Дима. И бил себя по коленям, как фанат во время трансляции матча, когда его кумир забивает невозможный гол.

Родители же считали меня бездельником.

— Сколько можно в телек пялиться? — упрекали они. — Нам нужен холодильник.

Вот уже два года, как мы хранили продукты у соседей. Мама подозревала, что они воруют наш маргарин, но не могла ничего поделать.

— Мелкие, ничтожные люди, — кричал я родителям в лицо. — Холодильник для вас важнее искусства!

¹ «Помоги мне, Оби Ван Кеноби. Ты моя последняя надежда» — цитата из фильма «Звёздные войны».

² «Это начало прекрасной дружбы» — цитата из фильма «Касабланка».

³ Валим отсюда (*англ.*)

⁴ Переводческий прием, заключающийся в компрессии (сжатии) исходного текста в процессе перевода (*Комиссаров В.Н.* «Теория перевода»).

⁵ Переводческий прием, заключающийся в замене единицы исходного языка, имеющей более узкое значение, единицей языка перевода с более широким значением (*Там же*).

И все же мы предпринимали робкие попытки заработать на своем увлечении. Собрав кустарную систему звукозаписи, по очереди наговаривали у меня дома перевод поверх оригинального саундтрека. Иногда на звуковую дорожку попадали крики дерущихся двойняшек, хлопанье полиэтиленовых пузырьков и голос мамы, зовущей к ужину. Сделав несколько копий, мы ехали на Горбушку.

Но как и в Голливуде, в индустрии пиратского кино было непросто стать своим. Все места на переводческом пантеоне были заняты еще в середине восьмидесятых. Продавцы объясняли, что фильмы с неизвестными переводчиками не продаются. Так же как сегодня зрители неохотно идут в кино, если там играют безвестные актеры. Стоя под дождем с кассетами в истрепанном пакете Marlboro, мы были жалки, как немолодые поэты, продающие у метро свои стихи, изданные на пенсию стареньких родителей.

Все закончилось тем, что нас избил парни в спортивных костюмах, смотрящие за рынком. Благодаря расквашенному носу на некоторое время мой голос приобрел естественную гнусавость.

Больше податься нам было некуда. В кинотеатрах обосновались торговцы машинами и мебелью. Зарубежные фильмы показывали только по телеку. Я вспомнил, что мой репетитор раньше работала на иновещании. Когда я спросил, не сможет ли она чем помочь, та лишь расхохоталась.

— Чтобы устроиться на телевидение, нужен блат, — заявила она. — Или выдающиеся...

Но я, не дослушав, ушел, хлопнув дверью. Продавать в нашем доме было больше нечего. В отчаянии мы с Димой разослали по всем каналам оставшиеся после Горбушки кассеты.

Прошло несколько месяцев. Теряя надежду, я забросил переводы и впал в депрессию. Уступив настояниям родителей, отправился на встречу с вербовщиком из «Интуриста» — им были нужны гиды-переводчики.

— Вы познакомитесь с богатой культурой нашей родины, — завлекал слушателей в актовом зале плешивый дяденька в пиджаке с белесыми пятнами под мышками. — Расширите свой кругозор. Посетите Золотое кольцо.

Студенты начали расходиться.

— За хорошую работу туристы оставляют чаевые, — выкрикнул оратор, и студенты остановились в дверях, заинтересованно слушая.

— В валюте! — поднял дяденька палец, и студенты вернулись на свои места.

— А еще в номерах они часто забывают дорогие вещи. Косметику. Джинсы. Нижнее белье!

— Наверно, и доедать за ними можно, — повернулся я к Диме.

— А я бы съел сейчас чего-нибудь, — откликнулся вечно голодный Дима.

В дверь актового зала заглянул декан.

— Талалаев и Бондарь здесь? — крикнул он. — Вам с телевидения звонят.

Новому спутниковому каналу срочно требовались переводчики фильмов. Назавтра нам назначили собеседование в Останкино.

На проходной в телецентре мы получили пропуски и позвонили по условленному телефону. Редактор по имени Марина сказала, что спустится за нами через пять минут.

Мы робко переминались в людном фойе. То и дело мимо пробегали знаменитости. От заветной цели нас отделял лишь турникет с пузатым вохровцем. Еще мгновение, и наша жизнь уже никогда не будет прежней. Нас ожидали деньги, слава и, кто знает, может быть, даже женщины.

Тут к нам подбежала запыхавшаяся толстушка в растянутом свитере.

— Где вас носит? — выкрикнула она.

У нас вытянулись лица.

— Мы на двенадцать договаривались, — залепетал я. — А сейчас без пяти минут.

— Простите нас, — на всякий случай сказал Дима.

— А где ваши костюмы?

— Костюмы? — удивился я. — Все с нами.

Толстушка испытующе нас осмотрела. Сильный мороз нанес на наши лица густой слой румян. Замерзшие губы были растянuty в широкие улыбки. На головы были туго натянуты вязаные «пидорки». Дима был обут в «инспектора», сшитые из разноцветных лоскутов кожи. Из-под длинных пол моего пальто виднелись грязные кроссовки с загибающимися кверху круглыми носами.

— Так вы уже в гриме? — обрадовалась она. — Живо в студию. Эфир через полчаса.

Мы озадаченно переглянулись.

— Вы нас ни с кем не перепутали?

— Разве вы не скоморохи? — удивилась толстушка.

— Люда, это переводчики, — подошла к нам женщина в очках. — А твои «Скоморохи» в буфете. Беги быстрее, пока они не нажрались.

— Жаль! — расстроилась толстушка. — Уж очень похожи.

И заторопилась прочь.

Мы миновали проходную. Поднялись на лифте на последний этаж. Долго петляли по длинным коридорам. И наконец зашли в кабинет с табличкой «Отдел дубляжа и озвучания».

Просторная комната одновременно походила на редакцию литературного журнала и видеопрокат. Под потолком клубился табачный дым. Столы были завалены толстыми рукописями. Несколько человек с зажатыми в зубах сигаретами стучали по клавишам пишущих машинок. Полки были уставлены видеокассетами. На многочисленных телеэкранах беззвучно показывались шедевры кинематографа.

— Сеня, — сказала Марина. — Принимай пополнение.

К нам подошел невысокий мужчина в очках. Он протянул руку.

— Павловский, — прогнусавил он.

У меня потемнело в глазах. Подкосились колени. Вспотела и тут же высохла спина. Так, наверно, чувствовал себя Моисей, когда к нему обратился Саваоф. И говорил тот, наверно, таким же назальным голосом.

Я пожал суховатую руку, борясь с желанием ее поцеловать.

Глаза Павловского строго смотрели через толстые линзы очков.

— Ваши любимые фильмы? — спросил он.

— «Крёстный отец», — проговорил, заикаясь, я.

— «Однажды в Америке», — прошептал Дима.

— Интересно, — сказал Павловский. — Очень интересно.

Он задумчиво перебирал кассеты на полках.

— Это не то, — бормотал он. — И это тоже не то. А вот это, пожалуй, подойдет.

Павловский протянул нам две кассеты без обложек.

— Перевод сдавать через неделю, — сказал он. — Вы уже стоите в графике озвучания.

На обратном пути в троллейбусе мы гадали, что за фильмы нам достались.

— Вряд ли вот так сразу классику доверят, — сомневался Дима. — Наверно, дали что полегче.

— Может, «Звёздные войны»?

— Или «Назад в будущее»?

Электромотор троллейбуса мягко завывал, генерируя сладкие мечты.

В дверях квартиры меня встречали волнующиеся домочадцы. В мое отсутствие бабушка переключала каналы, надеясь, что меня покажут по телевизору.

— А что за фильм? — двойняшки с благоговением тянули руки к кассете, но я спрятал ее за спиной.

— Вот бы «Унесенные ветром», — мечтательно произнесла мама.

— Уж лучше «Спартак», — привычно противоречил папа.

Они заспорили, словно выбирая, что смотреть по телепрограмме.

— Сейчас увидим, — ответил я.

Мы прошли в гостиную. Мама с папой уселись на диван. Двойняшки подрались, не поделив единственное кресло. В конце концов, там посадили бабушку, а брат с сестрой устроились на ковре у самого телевизора.

Я поднес кассету к видеомagneтoфону. Мягко протолкнул ее внутрь. Почувствовал, как невидимый механизм почтительно принимает ее из моих рук и затягивает в свое чрево.

Экран озарился голубым светом. Бабушка надела очки и, попросив, чтобы прибавили звук, взяла в руки пупырчатый целлофан.

В комнате повисла напряженная тишина. Я обвел глазами лица родных. Они волновались, как первые посетители кинотеатра Люмьеров.

Динамики телевизора вдруг взорвались оглушительными стонами. Двойняшек чуть не отбросило звуковой волной. На экране появилось несколько пар совокупающихся мужчин и женщин. Отменное качество изображения позволяло рассмотреть самые мельчайшие детали. Хотя, конечно, говорить о чем-то мелком было здесь крайне неуместно.

Перед глазами потрясенных домочадцев мелькал подробный анатомический калейдоскоп. Вздыбливались мужские органы. Колыхались огромные груди. Лобки и ягодичы шлепали друг о друга. Весело брызгали фонтанчики спермы. Внизу сменялись цифры тайм-кода, словно хронометрируя какие-то спортивные достижения.

Разом раздавив дюжину пузырьков, бабушка попыталась прикрыть глаза ладонью, но рука ее не слушалась.

— Лена, вызывай неотложку, — едва слышно попросила она.

Мама бросилась набирать номер.

Двойняшки прильнули к экрану, жадно всматриваясь в происходящее. Папа попытался забрать у сестры пульт. Ему не сразу удалось разжать ее побелевшие пальцы. Когда папа все-таки завладел пультом, брат закрыл телевизор грудью, блокируя инфракрасный сигнал. В конце концов отец выдернул провод из розетки.

В комнате повисла звенящая тишина.

Первой заговорила бабушка.

— Спаси и сохрани, — бормотала она. — Спаси и сохрани.

Мама вдруг заплакала.

— Мы же браслет продали, — всхлипывала она. — Я думала, ты дипломатом станешь.

Папа молчал. По его лицу ходили желваки. Наверно, он вспоминал свой кожаный плащ.

Я и сам был ошеломлен. И не мог вымолвить ни слова. Неужели об этом я мечтал с шестого класса? Для этого зубрил английский? Изучал историю кино? Не лучше ли мне и вправду получать чаевые подержанными трусами, чем переводить такое?

Между тем, ломая ногти, мама выдирала кассету из выключенного магнитофона. Держа ее за уголок двумя пальцами, как дохлую мышь, она бросилась к окну и распахнула форточку.

Говорят, за мгновение до смерти перед глазами человека проносится вся его жизнь. Перед моим же внутренним взором на сверхбыстрой перематке пролетели кадры из лучших фильмов всех времен и народов. Которые мне теперь уже никогда не перевести.

— Нооооооо! — закричал я. — Стойте!

Мама едва успела подхватить выскользнувшую из разжатых пальцев кассету. И порывисто обернулась.

— Мне заплатят сто долларов, — объявил я.

Слезы на щеках мамы тут же высохли. Скулы папы расслабились. Бабушка попросила, чтобы отменили неотложку.

На последовавшем семейном совете мне позволили приступить к работе. Наверно, так же смирялись родители проституток и рэкетиров, когда их дети покупали им в дом мягкую мебель.

Я перетащил видеодвойку в детскую и немедленно принялся за перевод. Переводить было нужно на слух. Качество звука было отвратительным. Кроме того, у актеров хромала дикция. Тяжелее всего было разбирать реплики актрис — их рты были часто заняты посторонними предметами. Штекер для наушников был сломан, и я, включив звук на полную громкость, раз за разом перематывал пленку, пытаясь разобрать непонятные фразы.

Первые несколько дней соседи стучали по батареям. А потом они нажаловались участковому, что у нас в квартире устроили притон.

Молодой лейтенант был очень удивлен, когда дверь ему открыла бабушка с томиком Цветаевой в руках. Из-за ее спины выглядывали херувимоподобные двойняшки.

Между тем в детской гроыхала оргия.

— Лейтенант Потапов, — прокричал, козыряя, участковый.

— Прошу вас, тише, — пожурила его бабушка. — Вы мешаєте внуку работать.

Лейтенант заглянул ко мне в комнату.

— А можно я здесь тихонько посижу? — попросил он. — А то целый день на ногах.

Двойняшки днями простаивали под моей дверью, попеременно подглядывая в узкую щель. А потом стали приводить домой одноклассников. И как позже выяснилось на родительском собрании, делали это не бесплатно.

Кроме плохого звука, мою работу осложняло отсутствие собственного сексуального опыта. Запрет на обценную лексику в эфире. А также крайне скудный вокабулярый оригинала. Русский язык более требователен к синонимическому многообразию. Даже в описаниях половых актов.

На полу в моей комнате были разбросаны словари, медицинская энциклопедия, брошюры о половом воспитании подростков и книги классиков о любви (последние я читал для вдохновения). Не в силах сходу подобрать нужные эвфемизмы, я покрывал бумагу множественными вариантами перевода каждой немудреной фразы. Своей вариативностью черновик походил на задания современного ЕГЭ, где нужно выбрать и подчеркнуть лишь один из множества приведенных в скобках готовых ответов. От изобилия синонимов мои глаза разбегались, как у советского командировочного, впервые оказавшегося в заграничном супермаркете. Когда же после долгих мучений я находил единственно верное слово, то хохотал в голос от счастья.

Под конец каждого дня я зачитывал родителям переведенные диалоги. Они выступали в роли редакторов.

— Сынуля, ты только не обижайся, — начинал папа. — Только сцена с конюхом получилась немного фальшивой.

— А мне нравится, — спорила мама. — Что ты вообще в любви понимаешь?

Чтобы лучше понять характеры героев и придать им недостающую в оригинале глубину, я сочинял им подробные биографии. Любили ли их в детстве родители? Как они учились в школе? Как долго встречаются? Насколько у них все серьезно? Перешли ли они уже на «ты»?

И чего уж там скрывать... Мне было двадцать лет, и мне не всегда удавалось остаться невозмутимым профессионалом. Распаленный больше собственным переводом, нежели видеорядом, я то и дело отвлекался от работы. И потом протирал экран телевизора кухонным полотенцем. А от Димы тогда ушла девушка, застукав его за работой над особенно сложной сценой.

Неделю спустя мы с Димой сидели в отделе дубляжа, напряженно подавшись вперед. Закинув нога на ногу, Павловский небрежно пролистал десять страничек, куда

уложились два полуторачасовых фильма. Он несколько раз хмыкнул. Один раз нахмурился. Под конец потер подбородок. И отложил переводы в сторону.

Мы замерли в ожидании приговора.

— Сойдет, — сказал он. — Хотя слишком литературно. Это ж не «Ромео и Джульетта», вашу мать.

На радостях я позвонил родителям прямо из телецентра.

— Он сказал, что у меня литературные способности, — кричал я в трубку.

Во время озвучания мне несколько раз звонила Марина. Актеры жаловались, что перевод слишком многословен, и они не поспевают за оригинальными голосами.

— А когда Чехова играют, они не жалуется, что там много текста? — возмущался я. — Хотя кто этих бездарей в «Чайку» позовет?

И все же мне приходилось сокращать перевод, и мое сердце обливалось кровью, как у старателя, если бы тому пришлось выбрасывать в ручей с таким трудом намытые крупы золота.

Наконец, дубляж был завершен.

— Эфир в понедельник в 23:00, — предупредила Марина.

И вот мы вновь собрались у телевизора. Мама нарядилась в новое платье. Бабушка прикрепила к кофте любимую брошь. Папа в парадном мундире галантно ухаживал за обеими дамами. Умытые и причесанные двойняшки сидели, держась за руки. Нам давно уже не было так хорошо вместе.

Началось кино. Лица домочадцев озаряла радость узнавания. За время моей работы все успели сродниться с героями фильма. Предвосхищая реплики актеров, двойняшки в унисон цитировали любимые места, будто в который раз пересматривая «Иронию судьбы».

Два часа пролетели как одно мгновение. Вниз по экрану потекли титры. И вдруг...

— Автор литературного перевода — Артур Талалаев, — сообщил хорошо поставленный мужской голос.

У меня сладко замерло сердце. Папа разлил шампанское. И поднял бокал, требуя тишины.

— Сынуля, сегодня... — голос его вдруг сорвался, и он отвернулся, смахивая слезу. — Сегодня ты прославил нашу фамилию.

Мгновение спустя зазвонил телефон. И трезвонил, не переставая, еще очень долго. Меня поздравляли с дебютом папины сослуживцы, моя классная руководительница, однокурсники и преподаватели. В дверь стучались соседи по площадке и лейтенант Потапов. Я даже не подозревал, что у меня такая обширная аудитория.

Взбудораженный успехом, в ту ночь я долго не мог заснуть. Сердце оглушительно стучало. В голове кружились «вертолетики». И виной тому было, конечно же, не «Советское» полусладкое.

В институте Дима и я в одночасье обзавелись репутацией плейбоев. Я слышал, такое случается с кинозвездами, играющими героев-любовников. Зритель не всегда разделяет экранный образ и личность актера. В глазах девушек мы обладали теми же достоинствами, что и переводимые нами персонажи. Они бросали на нас томные взгляды и давали свои телефоны. Забытые ими парни злобно шипели в курилках. Девственники робко спрашивали у меня совета. Не подозревая, что обращаются к товарищу по несчастью.

К тому времени я уже два года пытался позвать на свидание рыжеволосую Катю из французской группы. Я приглашал ее в кафе, в парк, в театр и в цирк, но она лишь презрительно фыркала. Но через несколько дней после премьеры Катя сама позвала меня к себе домой. В прихожей я снял куртку и разулся, Катя протянула мне тапочки, и пять минут спустя я стал мужчиной.

— А я-то думала, — разочарованно протянула она, натягивая чулки. — Словом ты владеешь гораздо лучше.

К Диме пыталась вернуться его девушка. Она плакала, просила прощения, стояла на коленях под дверью. Но он был непреклонен.

— Ты бросила меня, когда я был никем, — отчитывал он изменницу через замочную скважину. — А сейчас тебе нужен не я. Тебе нужна моя слава.

Телевизионная трансляция наших переводов служила подтверждением их высокого качества, и мы с Димой обзавелись весомым академическим авторитетом. Преподаватель теории перевода апеллировал к нам во время лекций и называл коллегами. По всем языковым дисциплинам нам ставили «автоматы». К нашим участвующимся прогулам руководство вуза относилось с пониманием.

— Ребятам работать надо, — говорил декан жалующейся на нас латинистке. — Это вы тут херней страдаете.

В нашей семье наконец завелись деньги. На первый гонорар я купил холодильник. Забирая у соседей продукты, мама все-таки устроила скандал по поводу недостачи маргарина. Когда я принес домой гранатовый браслет и кожаный плащ, отец и мать обняли друг друга и расплакались.

Мы стали самыми богатыми студентами в инязе. Каждый день завтракали в «Макдональдсе», а обедали в модной «Патио Пицца». Купили себе по новенькой «девятке». И дефилировали по инязовским коридорам, небрежно помахивая чемоданчиками магнитол.

Мы с Димой быстро набили руку. И скоро уже переводили по три фильма в неделю. С каждым разом наш перевод становился все лаконичнее и точнее. Часто мы сдавали работу раньше срока. И просили еще. Еще. И еще.

Это была блаженная пора в моей жизни. Дома царил хрупкий мир. Я был молод, успешен и любим женщинами. И впереди меня ожидала долгая счастливая жизнь.

Все рухнуло в один день.

Нас вызвал к себе Павловский.

— Вы перестали быть учениками, — сказал он. — Время показать, на что способны мастера.

С легким поклоном Павловский протянул нам две кассеты. Мне достался «Крёстный отец», а Диме — «Однажды в Америке».

Я растерянно вертел кассету, словно не понимая, что с ней делать. К моему удивлению, я не ощущал радости. Как мужчины после просмотра переведенных мною фильмов временно переставали желать женщин, так и я сейчас не испытывал к большому кино ничего, кроме равнодушия. Похоже, Дима разделял мое чувство.

— А что, порнуха закончилась? — расстроено спросил он.

— Порно пускай эти переводят.

Павловский кивнул на двух прыщавых задротов, тихо сидящих в уголке. Я видел их в институте. Кажется, они учились на первом курсе. Один из них вскочил на ноги.

— Можно, мы будем с вами советоваться? — заикаясь, спросил он и добавил. — Маэстро.

Мы молча вышли из кабинета.

Диалоги в обоих фильмах оказались адски сложными. Текст изобиловал переводческими ловушками. Непереводимыми шутками. И трудно передаваемыми культурными реалиями. Мы шли на поводу у ложных друзей переводчика и жестоко ими обманывались. Я проклинал Копполу, а Дима навсегда разочаровался в Серджио Леоне.

Мы не уложились в отведенную нам неделю, и нам пришлось просить отсрочку. Марина устроила по телефону истерику. Из-за нас у нее рушился весь график.

Когда фильмы наконец были озвучены и вышли в эфир, против нас неожиданно ополчились все наши бывшие поклонники.

Нет более неблагодарной работы, чем перевод книг и фильмов, на которых выросло несколько поколений. Любые попытки предложить новый русский текст

«Винни Пуха», «Над пропастью во ржи» или «Крепкого орешка» будут всегда восприниматься как глумление и святотатство.

Так и наши с Димой переводы сравнивали с каноническими текстами Павловского.

И сравнения были не в нашу пользу.

Зрители писали на телевидение письма, жалуясь, что наш перевод калечит шедевры кинематографа и попирает нормы русского языка. На семинарах в институте распространенные переводческие ошибки иллюстрировались примерами из наших текстов. Преподаватель теории перевода опубликовал монографию «Современный киноперевод — за гранью добра и зла», обильно цитируя наши с Димой труды.

В одночасье мы перестали существовать для девушек. Теперь они увивались вокруг тех прыщавых юнцов.

Двойняшки растеряли в школе всех друзей.

Родители стали опять ссориться.

Как назло, еще и холодильник сломался.

— Как-то тихо у нас, — печалилась бабушка. И пупырчатый целлофан валился у нее из рук.

Наши заработки резко упали. За классику платили столько же, сколько и за порнуху, но говорили там не в пример больше и заковыристее. Так что теперь мы едва успевали переводить в месяц по фильму. И регулярно нарушали дедлайны.

В результате нас со скандалом уволили. В наказание записав в трудовых в графе «должность» — «перевод эротического кино». Когда я пытался устроиться в другое место, на собеседовании, услышав мое имя, кадровики оживлялись, наизусть цитировали избранные места из моей фильмографии, но брать на работу наотрез отказывались.

— У нас тут серьезные люди работают, — сказал мне дяденька в «Интуристе». — А не всякие там хухры-мухры.

Завидовавшие нам в прошлом однокурсники после выпуска делали стремительные карьеры. Некоторые подались в дипломаты. Другие синхронили в ООН. Кто-то маячил за плечом президента в телевизионных репортажах о встречах в верхах.

Мы же с Димой вышли в тираж. Тяготясь своей невостребованностью, Дима решил эмигрировать.

— I am big. It's the pictures that got small¹, — сказал он на прощание в Шереметьево.

А я остался. Зачем-то женился. Перебивался случайными заработками. Стал много пить. Жена ушла, забрав сына.

С тех пор мы общались с ней только на выходные, когда сын гостил у меня. И потому, когда бывшая позвонила посреди недели поздно вечером, я понял, что случилось что-то серьезное. Я услышал ее крик, еще не успев снять трубку. Оказалось, она застучала нашего тринадцатилетнего отпрыска за онлайн-просмотром фильма для взрослых. Прежде чем она успела выключить компьютер, закадровый голос назвал меня автором литературного перевода.

— Ты больше не увидишься с ребенком, — билась она в истерике. — Я лишу тебя родительских прав, сволочь!

Мне вдруг подумалось, что давние пророчества родителей и исторички исполнились в полном объеме.

— Алло! — выкрикнула она. — Алло! Ты меня слышишь?

— А как назывался фильм? — спросил я.

— Опять пьяный! — взвилась она. — Какое это имеет значение?

— Ну хотя бы в каком он был жанре? Классика, измена, свингеры, лесбиянки...

— Если тебе это так важно... — хмыкнула бывшая и отложила трубку.

Через минуту она вернулась.

— Ретро-порно.

И тут я понял, как я постарел.

¹ «Я велик. А вот фильмы обмельчали» — цитата из фильма «Бульвар Сансет».